

По поводу воспоминаній г. И. И. Янжула.

амѣчательныя воспоминанія г. И. И. Янжула, конечно, съ интересомъ читаются многими; но въ нихъ, по моему мнѣнiю, есть существенный недостатокъ: касаясь главнымъ образомъ людей исключительно счастливыхъ, заслужившихъ „вообще уваженіе и славу“, они окрашены розовымъ колоритомъ и потому не совсѣмъ вѣрно отражаютъ эпоху.

Между тѣмъ, на жизненномъ пути почтеннаго академика, среди его интереснаго и разнообразнаго знакомства, встрѣчались люди загадочные и очень даровитые, къ которымъ судьба отнеслась или не совсѣмъ милостиво, или уже вовсе не милостиво, люди, о которыхъ г. Янжулъ или упоминаетъ лишь вскользь, или совсѣмъ не упоминаетъ, видимо не желая печалить себя и читателей...

Единственный и очень памятный мнѣ вечеръ довелось мнѣ провести въ близкомъ мнѣ семействѣ, въ Москвѣ, съ г. Янжуломъ, который былъ извѣстенъ тогда, среди интеллигентныхъ людей столицы, какъ видный ученый и строгій профессоръ, но какъ добрый и симпатичный человѣкъ, интересный и многосторонній собесѣдникъ; былъ называемъ за глаза, и знакомыми, и незнакомыми, по имени и отчеству, Иваномъ Ивановичемъ.

На этомъ вечерѣ И. И. былъ предметомъ вниманія и слушанія.

Говорилъ И. И. о томъ, что плохая газета приноситъ большой вредъ, ежедневно принижая читателя и умственно, и нравственно, и портя его вкусъ, и что молодымъ впечатлительнымъ людямъ отъ чтенія такихъ газетъ по возможности надо воздерживаться; но что, къ сожалѣнiю, и въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ совсѣмъ почти нечего читать. Изобразилъ г. Боборыкина такъ живо, наглядно, детально, что оригинальная, исключительно жизненная личность почтеннаго

беллетриста до сихъ поръ живеть у меня передъ глазами въ своемъ тогдашнемъ обликѣ. Правильно назвалъ А. Н. Пышина ученымъ, прикомандированнымъ къ литературѣ. Упомянулъ о Тургеневѣ, какъ о хорошемъ знакомомъ, который однажды, отдавая визитъ И. И. въ Лондонѣ, потрудился взобраться на шестой этажъ. Рассказывалъ о Достоевскомъ, который, при встрѣчахъ, производилъ на И. И. впечатлѣніе неблагоприятное, какъ и на многихъ: печатныя воспоминанія о знаменитомъ писателѣ отмѣчаютъ его угловатость и непонятныя странности въ обращеніи съ людьми.

Съ особенною теплотою распространился И. И. о Толстомъ, котораго засталъ, незадолго передъ тѣмъ, въ его домѣ, въ Хамовникахъ, за шитьемъ сапогъ, съ учителемъ его въ этомъ искусствѣ, какимъ-то мастеровымъ. Тогдашнія воззрѣнія Толстого И. И. считалъ близкими къ воззрѣніямъ „христіанскихъ социалистовъ“. „Ну, Андрей, оставимъ теперь работу, ко мнѣ гость пришелъ!“—сказалъ Л. Н. учителю, здороваясь съ И. И.

Тогда уже начинались волненія среди учащейся молодежи, и на вечерѣ по этому поводу зашла рѣчь объ одномъ учебно-административномъ вопросѣ. Молодой, но уже строгій господинъ, обращаясь къ И. И., внушительно сказалъ: „Я думаю, разъ существуетъ законъ, надо его исполнять!“—„По-моему это не совсѣмъ такъ,—спокойно возразилъ И. И.,—въ Англіи до сихъ поръ еще не отмѣненъ законъ, разрѣшающій мужу вывести свою жену на рынокъ и продать!..“

Удивлены были присутствовавшіе, узнавъ, что въ Англіи существовалъ такой законъ; но конечно для всѣхъ было ясно, что законъ этотъ съ давнихъ поръ, съ глубины средневѣковья, не могъ имѣть примѣненія, такъ что не было надобности его и отмѣнять. Вѣдь и крѣпостное право никогда въ Англіи формально не отмѣнялось, но само собой исчезло безвозвратно ко временамъ Стюартовъ. Англичане не терпятъ крутыхъ и внезапныхъ перемѣнъ своего быта, не любятъ формальныхъ отмѣнъ чего-либо существующаго. Своей внутренней государственной жизни предоставляютъ они полную свободу сообразоваться съ новыми временами, съ новыми требованіями жизни, постепенно вливаться въ новыя формы быта. Мы же, наоборотъ, склонны многое въ своей жизни формально отмѣнять, формально устанавливать, не долго думая, подъ вліяніемъ вдохновенія и благородныхъ порывовъ...

Просматривая недавно старинныя наши журналы, я, къ удивленію своему, усмотрѣлъ слѣдующее извѣстіе: „Старый обычай продавать женъ еще существуетъ въ Англіи. Цѣна женъ упала въ прошедшемъ году необыкновенно: въ Эйленбургѣ мужъ взялъ за

жену менѣе трехъ рублей, а въ Манчестерѣ супругъ въ придачу къ 3 ливр. и 12 су выторговалъ только одну кружку пива („Московскій Телеграфъ“, 1825 г. № 5, стр. 85, Иностранная Извѣстія).

Я думаю, что и самъ ученый профессоръ, при всемъ своемъ знаніи англійской жизни, не подозрѣвалъ, что законъ, который, казалось, былъ большою нелѣпостью даже во времена Эдуарда Исповѣдника, благополучно осуществлялся въ цивилизованной странѣ до недавняго даже времени! У насъ до начала прошлаго вѣка продавали крѣпостныхъ по публикаціямъ въ газетахъ и недавно, въ юбилейные дни, мы съ отвращеніемъ и ужасомъ разсматривали снимки съ этихъ публикацій. Между тѣмъ въ Англій („образованная нація, мореплаватели“!) чуть не въ половинѣ девятнадцатаго вѣка мужья преспокойно и публично продавали своихъ женъ и за какую дешевую цѣну! Вѣдь при такихъ цѣнахъ на товаръ, мало-мальски состоятельный человекъ могъ закупить себѣ чужихъ женъ сколько угодно!

О продажѣ женъ среди русскаго народа нигдѣ не было слышно: ни былины, ни древнія наши отечественныя лѣтописи нигдѣ о семъ не упоминаютъ. Правда, проигралъ однажды какой-то тамбовскій казначей, въ пылу увлеченія предосудительной страстью, свою жену въ карты; но это былъ совсѣмъ исключительный случай, которому Лермонтовъ посвятилъ цѣлую поэму („Казначейша“), случай, о которомъ городъ Тамбовъ (издавна страстный игрокъ, не такъ давно весь продулся въ лото) до сихъ поръ хранитъ свѣжее преданіе—указываютъ улицу и домъ, гдѣ такое,—все-таки печальное, событіе случилось.

Много было говорено и писано объ отсталости Россіи, русскаго народа по сравненію съ западными государствами, съ западными народами.

Въ отношеніи техническихъ знаній, торговли и промышленности несомнѣнно это такъ; но въ нравственномъ, гуманитарномъ отношеніи такъ ли это и было и есть? Петръ В. былъ всецѣло подъ вліяніемъ иностранцевъ, но однако изумлялъ тогдашнихъ россиянъ своею жестокостью, и нѣтъ свѣдѣній, чтобы кто-либо изъ иностранцевъ пытался смягчить его нравъ. И послѣ Петра россияне терпѣли отъ свирѣпыхъ по существу Бирона, Остермана и Миниха. Смягченіе нравовъ въ Россіи началось со времени имп. Елизаветы—то есть тогда именно, когда получили возможность заявить о себѣ подлинныя русскіе нравы...

Камъ бы тамъ ни было, но о продажѣ женъ никогда въ Россіи не было слышно...

Послѣ ужина гости перешли въ гостиную; могучая фигура профессора возвышалась у рояля, и вѣяло отъ нея задушевымъ добродушнымъ русскимъ юморомъ. Строгій, аккуратный молодой человекъ былъ въ ужасѣ, что, не замѣтивъ въ оживленномъ разговорѣ времени, такъ долго засидѣлся въ гостяхъ и сталъ торопить свою супругу поскорѣе собираться домой; но молодая дама, не спуская съ И. И. своихъ прекрасныхъ глазъ, промолвила: „постой, погоди, онъ такъ хорошо говоритъ“.

Съ горестью нужно признать, что такіе, хорошо говорящіе, образованные русскіе люди уходятъ въ область прошлаго, и на смѣну имъ появляется нѣчто совсѣмъ иное...

S.

